

Гарсия взяла со стола два журнала — «Микробиология» и «Медицинский журнал Новой Англии».

— Уверена, что друзья из медицинского сообщества знают вес этих изданий. Господин Ли Чжэн стал самым молодым автором, опубликованным в них, — сказала она, передавая «Медицинский журнал Новой Англии».

— Это образец. Думаю, «Медицинский журнал Новой Англии» должен оплатить мне доставку.

— Господин Ли Чжэн, Министерство здравоохранения Великобритании и Всемирная организация здравоохранения ООН уже договорились о сотрудничестве по проекту болезни «замерзающей крови» и включили ваш препарат в список рекомендованных для этого проекта. Что вы думаете по этому поводу?

Ли Чжэн удивился еще больше. Последние дни он полностью погрузился в разработку карбапенемовых антибиотиков и, хотя и не был полностью оторван от внешнего мира, об этом действительно не слышал.

— Я чувствую себя польщенным. Как я уже говорил на Азиатской конференции по биопрепаратам, хотя редкие заболевания охватывают меньший круг пациентов, именно поэтому эти люди нуждаются в особом внимании общества. Я рад, что могу помочь, и Фонд Ли Чжэна по исследованию редких заболеваний продолжит работу в этом направлении, — ответил Ли Чжэн с уверенной улыбкой, не подавая вида, что слышит об этом впервые.

Они обсудили препарат Баамисадин, после чего разговор перешел на самую горячую тему — антибиотики.

— Ваши антибиотики спасли множество жизней. Случай с резистентными штаммами в больнице Мэри стал горячей темой не только в Сянцзяне, но и в Великобритании. Это заставило нас задуматься о злоупотреблении антибиотиками. Ведь в Великобритании ежегодно используется 20 000 тонн антибиотиков — это ошеломляющая цифра.

— Биопрепараты основаны на биологии, которая является фундаментом фармацевтики. Мы, занимающиеся биопрепаратами, всегда считали, что иммунитет человека — это лучшее лекарство. Но иммунитет, как и мышцы, если его не тренировать, постепенно слабеет. Злоупотребление антибиотиками значительно ослабляет естественный иммунитет, что неприемлемо. Я считаю, что как в Сянцзяне, Великобритании, так и в других регионах необходимо уделить внимание и контролировать использование антибиотиков.

Говоря о своей специализации, Ли Чжэн был спокоен и уверен, что заставляло забыть о его молодости.

Гарсия на мгновение задумалась, но быстро пришла в себя.

— Да, под влиянием этого события один из наших депутатов уже подготовил предложение по ужесточению контроля за использованием антибиотиков.

— На самом деле, у меня есть еще кое-что, что я хотел бы сказать по поводу этого случая, — Ли Чжэн выпрямился и, к удивлению Дженни Гарсии, продолжил. — Все карбапенемовые антибиотики, отправленные в больницу Мэри, не прошли клинические испытания. Или, точнее, результаты испытаний были неутешительными. После инъекции препарата выживаемость подопытных мышей составила менее 30%.

Все камеры мгновенно нацелились на Ли Чжэна. Гарсия лихорадочно листала сценарий, убеждаясь, что такого вопроса в нем нет.

На самом деле, многие знали, что антибиотики, использовавшиеся в больнице Мэри, даже не были одобрены для испытаний, но все, включая семьи погибших пациентов, молчали об этом. Они понимали, что если это станет достоянием общественности, то не только больница Мэри, но и сам Ли Чжэн окажутся в центре скандала.

Никто не хотел такого исхода, даже те, кто протестовал.

— Я думаю, это не секрет. В соглашении об отказе от ответственности или через другие источники, при желании, это несложно выяснить. Я следил за событиями в больнице Мэри. Директор Чэнь Сьюхуа — человек, которого я глубоко уважаю. Увидев сегодняшние новости, я понял, что должен что-то сказать.

Ли Чжэн взвесил слова и медленно откинулся на спинку дивана.

— Опасность заражения синегнойной палочкой уже обсуждалась в последних новостях, так что я не буду повторяться. На самом деле, главной причиной, по которой я день и ночь работал над созданием препарата, было то, что среди зараженных резистентным штаммом был мой уважаемый учитель. Я отчетливо помню тот вечер, когда шел сильный дождь. Я ждал звонка, но не выдержал и вышел на улицу, чтобы забрать образцы. В дожде я увидел медсестру в белом халате, которая несла образцы и целую коробку с медицинскими записями пациентов. У нее не было зонтика, ее хрупкое тело слегка согнулось, и она прикрывала коробку всем своим телом. Она была вся мокрая, но документы внутри коробки остались сухими.

Ли Чжэн сложил руки на коленях, переплетая пальцы.

— Я был удивлен, но больше всего — потрясен. В течение следующего дня и ночи мы перепробовали все антибиотики, но, к сожалению, образцы оказались устойчивы почти ко всем существующим препаратам. Мы уже тогда могли сделать вывод, что заражение вызвано синегнойной палочкой, но никто из нас не сказал об этом. Затем следовали плохие новости: у учителя поднялась высокая температура, началось обезвоживание, он потерял сознание. Я могу понять чувства любого из родственников.

— После этого все профессора медицинского факультета Гонконгского университета вместе со мной остались в лаборатории. Жена учителя сказала мне, что даже при агрессивном лечении он проживет максимум пять-шесть дней. Агрессивное лечение причиняет пациенту огромную боль и имеет серьезные последствия, и в медицине оно не рекомендуется для пациентов с почти нулевыми шансами на выживание. С такими мыслями мы продолжали экспериментировать.

— Эксперимент оказался успешным и одновременно провальным. Мы успешно выделили карбапенемовый антибиотик, структура препарата была стабильной, но, как и многие антибиотики, он обладал сильной токсичностью. Выживаемость подопытных мышей была крайне низкой, и по стандартам фармакологических испытаний его можно было считать непригодным для клинического применения.

— Но я знал, что он работает! Это было исключительно мое профессиональное суждение, без какой-либо поддержки со стороны системы. Однако мой учитель подписал соглашение об отказе от ответственности для клинических испытаний. Хотя для препарата, который даже не прошел биологические испытания, это соглашение было практически бесполезным, он все же подписал его. Не только потому, что это была его единственная надежда, но и потому, что он

был биологом, а за ним стояли еще более 100 пациентов, зараженных синегнойной палочкой.

— Если бы он добился успеха, это бы убедило больницу пойти на огромный риск и использовать препарат для других пациентов. Если бы он потерпел неудачу, то ответственность за предоставление препарата лежала бы на мне, и ни он, ни его семья не стали бы меня преследовать. Он защищал меня и давал надежду другим пациентам.

Голос Ли Чжэна стал тише.

В комнате для отдыха воцарилась тишина. Никто не произнес ни слова, даже дыхание стало едва слышным.

Чэнь Сюйхуа ушел в отставку.

Интервью Ли Чжэна еще не успели показать, а Чэнь Сюйхуа уже объявил о своей отставке на пресс-конференции в среду.

Услышав эту новость, Ли Чжэн заперся в лаборатории на целый день. Хотя он понимал, что даже если его интервью выйдет в эфир и общественное мнение изменится, Чэнь Сюйхуа все равно не избежит отставки.

Потому что в обществе есть правила, а в больницах — порядки. Нарушение правил влечет за собой последствия.

Когда Лян Чжэ пришел, он увидел Ли Чжэна с лицом, черным, как смоль, и всем своим видом излучавшего «я очень недоволен».

Он слегка нахмурился, сделал два шага вперед и с легким отвращением посмотрел на две полупустые коробки из-под лапши на столе. Немного подумав, он повернулся, взял пару одноразовых перчаток из лаборатории, надел их и, сжав губы, выбросил остатки лапши в мусорное ведро у двери.

Ли Чжэн слегка приподнял веки, увидел Лян Чжэ и снова опустил голову.

— Производственная линия прибыла. Я уже поручил разгрузить ее на складе. Свяжись с Хуацзином, когда освободишься, — сказал Лян Чжэ.

Ли Чжэн кивнул.

— Понял.

Лян Чжэ нахмурился еще сильнее. Ему не нравился такой Ли Чжэн. Нет, скорее, ему не нравилось, что Ли Чжэн так себя ведет. Этот человек должен быть уверенным, гордым, сияющим. А не сидеть на полу в таком подавленном состоянии.

В его глазах мелькнула борьба, он закрыл глаза, стиснул зубы и, подражая Ли Чжэну, сел на пол.